

Горский В. В. Страница из истории православной русской миссии в Китае: [Пекин.] (Письма миссионера): [В. В. Горского к родителям и А. В. Горскому]: письма XXXIII—XXXV, 6 июня, 11 июля/15 августа 1841 г.] // Богословский вестник 1898. Т. 4. № 10. С. 92—102 (2-я пагин.). (Продолжение.)

Страница изъ исторіи православной русской миссіи въ Китаѣ.

(Письма миссіонера).

XXXIII.

Къ брату.

Вотъ тебѣ письмо—съ свидѣтелемъ моего житья бытья, который самъ десять лѣтъ провелъ въ тяжелой разлукѣ съ родиною и знаетъ лучше меня Пекинскую жизнь. Я живъ и здоровъ; скучаю, братецъ, нерѣдко и сильно; а теперь, когда мы остаемся одними, вѣроятно еще болѣе будетъ грустныхъ дней! Тяжела Пекинская жизнь и камнемъ падаетъ на сердце; самыя мелочи иногда убійственно дѣйствуютъ на духъ; но дѣлать нечего; а потому и говорить объ этомъ не нужно. Я тебѣ, дорогой братецъ, не пишу большаго письма, потому что я домой вмѣстѣ же съ Григоріемъ Михайловичемъ отправилъ огромное посланіе,—оно доставлено будетъ и тебѣ въ руки. Право, въ настоящую почту я такъ исписался, что у меня даже одурѣла голова. Благодарю отъ всей души за твои, дорогія для меня, письма; не забывай брата Владимира, который горюетъ и тоскуетъ на чужой сторонѣ.

Моего добраго товарища зовутъ Григорьемъ Михайловичемъ Розовымъ, обними его вмѣсто брата любящаго тебя всей душой. Ради Бога пиши объ ученыхъ новостяхъ. Благодатной и доброй вашей Академіи поклонъ до сырой земли.

XXXIV.

1841-го года, 6-го іюня.

Къ родителямъ.

Не дивитесь и не браните меня, что вы, вмѣсто обѣ-

щаннаго огромнаго письма, получите только клочекъ бумажки. Я уприсиль своего добраго камрада Григорія Михайловича г. Розова, проѣздомъ въ Петербургъ, непременно заѣхать въ родную матушку Кострому. Отъ него вы узнаете все, чего недостаетъ въ этомъ письмѣ. Что дѣлать! Потерпите лишннихъ мѣсяца два, за то ваше любопытство наградится съ избыткомъ. Онъ поѣдетъ изъ Кяхты или изъ Иркутска по первому зимнему пути. Не знаю, возвращающіеся Пекинскіе чиновники, провожавшіе старую миссію, привезутъ ли мнѣ ваши строки. Одно ваше письмо, отъ 5-го ноября, я получилъ 21-го апрѣля нынѣшняго года; болѣе не было! Пишите чаще и пересылайте прямо въ Кяхту.

Въ слѣдъ, или вскорѣ, за письмомъ, придетъ къ вамъ отъ меня вебольшая посылочка нѣкоторыхъ китайскихъ бездѣлицъ, а именно: кусокъ *пинчэу* корячневаго цвѣта, если только не ошибаюсь, и кусокъ *крепу*, напепыкъ и маменькъ на ряску и кафтанъ, на салонъ и платье; кусокъ сянго *сянь-ченэу* братцамъ на халатцы; милой сестрицѣ на салонъ—кусокъ *каперы* или атласа, и кусокъ *филеру*—на платье; только не знаю, послѣдній можетъ ли быть употребляемъ для этого назначенія, и женскій китайскій *шарфъ*. Милому Сапенъкъ китайскій костюмъ, состоящій изъ *кафтанна*, *штановъ* и *шапочки*, а поясокъ я забылъ вмѣстѣ укупорить (его привезетъ Гр. Мих.); къ пояску нужно прицѣпить нѣсколько кошельковъ. Братцу Александру посылаю старинную *кокосовую* чашку; мнѣ хотѣлось перемѣнить ея внутреннюю оправу, но въ цѣломъ Пекинѣ не нашлось такихъ мастеровъ, которые-бы могли хорошо сдѣлать. Петру Николаевичу—китайскій *бумажникъ*, вышитый хорошенькой ручкою одной китаянки, женою бывшаго нашего пристава, который теперь уѣхалъ въ Кантонъ, по случаю настоящихъ дѣлъ. Полюбуйтесь здѣшнимъ рукодѣльемъ. Сверхъ того прилагается *три круглыхъ кошелька: два продолговатыхъ* для табакерки, *одинъ длинный* для трубки, — два столовыхъ ножа со всѣми принадлежностями. Любезнѣйшимъ дядюшкамъ—по табакеркѣ, —двѣ каменныхъ и одна изъ лучшаго тонкаго фарфора. Вотъ и все мое скудное привошеніе. Дополните его вашею любовію и снисходительностію; при настоящихъ обстоятельствахъ, я теперь не могъ сдѣлать ни лучшаго ни обльшаго. Касательно митерій надобно сказать, что здѣсь

весьма трудно пайти безъ цвѣтовъ, а пивъты—ужаснѣйшая дичь; напишите, какихъ цвѣтовъ или красокъ—у васъ могутъ быть въ употребленіи. Я ужаснѣйшій профанъ; эту обязанность я возлагаю на милую сестрицу; она должна просвѣтить брата Вандата. Хорошо, если бы вы даже доставили образчики, только нужно впередъ сказать, что нѣкоторые цвѣта, весьма уважаемые у насъ, совсѣмъ не употребляются здѣсь. Въ продолженіи 10 лѣтъ могутъ открываться случаи къ пересылкѣ; досадно будетъ купить и хорошую, но не употребительную вещь. На мой вкусъ не полагайтесь; право, я ничего не смыслю въ этихъ вещахъ, — которыя вовсе не по моей части.

Въ бумажникѣ положена—кигайская ассигнація въ 1000 чоховъ, но нашему курсу въ 2 руб. съ полтиной. Какова? Здѣсь правительство — не платитъ ассигнаціями а монетою; по облигаціи даются богатыми купцами, имѣющими полный авторитетъ; вотъ одна изъ нихъ, — впрочемъ такая ассигнація имѣетъ ходъ только тамъ, гдѣ живетъ, или лучше, гдѣ хорошо извѣстенъ самъ хозяинъ. Мѣдная монета—ужасная гадость; серебряная — просто слитки, различающіеся вѣсомъ.

XXXV.

Къ родителямъ и брату.

11-го іюля.
5-го августа. 1841 года

11-е іюля. Не знаю, когда это письмо полетитъ на родную сторону; но, не смотря на то, я именно сегодня хочу начать свою далекую бесѣду съ вами.....

16-е іюля..... Вчера мнѣ минуло 22 года! Неужели я столько времени прожилъ на бѣломъ свѣтѣ. Минувшіе годы мнѣ кажутся менѣе, нежели днями. Только въ Пекинѣ, гдѣ день равняется году, я началъ жить; и если выживу здѣшніи десять лѣтъ, то буду постарѣе Мафусала. Пройдутъ года два и я отпущу себѣ бороду, — длинную, рѣдкую, клинообразную. Тогда уже буду въ глазахъ китайцевъ почтеннымъ человѣкомъ, старикомъ, — которому по крайней мѣрѣ уже исполнилось 40 лѣтъ, — который, значить, уже немало пожилъ на свѣтѣ. Мнѣ будетъ весьма

легко сохранить свой обликъ. Вообще всё мы кажемся удивительными стариками въ сравненіи съ китайцами, которые въ особенности до 30 лѣтъ удерживаютъ необыкновенную юность. Не могу точно опредѣлить причину такого явленія; мнѣ, по крайней мѣрѣ, кажется, что въ этомъ не мало участвуетъ и здѣшняя природа, болѣе изнѣженная и умѣренная, нежели наша, которая не рѣзко и сильно дѣйствуетъ на здѣшній организмъ и потому не возбуждаетъ его къ напряженной и усиленной дѣятельности; здѣсь, вѣроятно, скрывается причина и того, что они слабѣ насъ въ физическихъ силахъ. Самое устройство лица, которое рѣзко отличается отъ нашего, имѣетъ также вліяніе на этотъ фактъ. Въ нашемъ лицѣ лобъ есть самая верхняя, выдавшаяся часть (разумѣется, исключая носа); за нимъ слѣдуетъ впадина, гдѣ устроены глаза,—которая постепенно начинаетъ возвышаться и подбородокъ уже составляетъ другую самую крайнюю выдавшуюся часть. Отъ такого устройства, во-первыхъ, все лицо не принимаетъ формы какой-то одной слившейся неопредѣленной массы, напротивъ, каждая черта получаетъ свой частный характеръ: во-вторыхъ, глаза находятся въ большой полости, отъ того наши вѣки легче и болѣе могутъ открываться, и самые глаза, не закрываемые и не стѣсняемые въ своемъ движеніи, представляются въ полной своей красѣ, а глаза даютъ жизнь и выраженіе цѣлому лицу. У китайца почти нѣтъ этой впадины; отъ того все лицо получаетъ какой-то однообразный типъ, глазныя отверстія принимаютъ форму щелей, изъ которыхъ едва виднѣется глазъ. Однимъ словомъ, иногда вамъ здѣшняя фізіономія покажется полуобтертою монетою, которую съ трудомъ можно опредѣлить, къ какому вѣку она относится; природная выпуклость лица вамъ представится за полноту формъ и обыкновенная неопредѣленность въ чертахъ можетъ показаться за молодость; отъ того мы часто, особливо не приглядѣвшись къ здѣшнимъ фізіономіямъ, тридцатилѣтнихъ принимали за двадцатилѣтнихъ. Прибавьте къ этому бездушное воспитаніе, которое не даетъ свободы ни мысли, ни чувству, и не позволяетъ никакому внутреннему движенію отразиться на ихнемъ лицѣ, которое и молодость и старость подводитъ подъ одинъ тяжкій законъ формы и церемоній; — и вы сами

можете понять, какъ трудно прочтатъ что-нибудь на такой вытертой доскѣ.

Но въ сторону всё китайскія рожи, и моя борода и моя коса, которая будетъ тянуться до самыхъ пятъ и ростеть великолѣбно,—все это пустяки!... Сегодня, или лучше сказать, сейчасъ я произносилъ великіе обѣты христіанства вмѣсто двѣнадцатилѣтняго мальчика язычника, который лежитъ теперь на одрѣ смерти. Жестокая горячка овладѣла всёмъ его организмомъ; но, сколь ни слабъ онъ былъ, самъ проговорилъ въ полной памяти: во синь Іе-су Хри-сту ю тянь-чжу цзы,—я вѣрую, что Іисусъ Христосъ — Сынъ Божій. Во святомъ крещеніи онъ названъ Влазиміромъ. Малюжка круглый сирота, у него ни отца, ни матери; онъ родился отъ христіанина, но до сихъ поръ былъ въ язычествѣ; его сестра также язычница и вышла за мужъ за язычника; дядя его—христіанинъ,—мѣсяца за два отдалъ его въ наше Албазинское училище, гдѣ онъ занемогъ, потомъ былъ перевезенъ въ наше подворье; здѣсь мы его и окрестили, по его же желанію.

21-е іюля. Ровно годъ, какъ мы уже переступили черезъ родной рубежь! 39-го года именно въ этотъ день мы вступили въ степи Монгольскія и распрощались съ святою Русью. Никогда не забуду этого торжественнаго дня въ моей жизни. При одномъ только словѣ 21-е іюля въ моей душѣ воскресаютъ всё событія этого дня. Подъ сѣнію хоругвей, при звукахъ таинственной цѣсни „въ Чернѣмъ мори“, крестнымъ ходомъ, сопровождаемые тысячами народа, который прощался съ нами, какъ съ братьями, обреченными на тяжкую долю, мы пришли въ Май-Ма-чинъ. Слезы лились рѣкою изъ моихъ глазъ. Мнѣ сдѣлалось такъ грустно и тяжело, что въ изнеможеніи я едва не упалъ на землю. И вотъ уже годъ, какъ все это миновало. Какъ медленно шло это время и какъ скоро оно прошло! Насланетъ время и мы скажемъ: прошли и десять лѣтъ...

Сейчасъ пришло извѣстіе изъ трибунала, что пришли письма изъ Россіи. Дай Богъ скорѣе читать ваши строки! Съ нетерпѣніемъ жду завтрашняго дня.

Благодарю, благодарю, тысячу разъ благодарю за всѣ ваши самыя пріятныя для меня вѣсти и спѣшу, по порядку, отвѣтить на все, что нужно...

..... Я удивляюсь, какая жизнь кипитъ въ Европѣ во всѣхъ отношеніяхъ: когда-то она проникнетъ въ Китай! Изъ всѣхъ сочиненій, касающихся до востока, для меня имѣеть большой интересъ „Исторія Гунновъ“ и я прошу, когда выйдетъ это сочиненіе въ свѣтъ, выписать его и переслать въ Кяхту. Не знаю, тотъ ли это *Хейманъ*, который занимается изученіемъ китайской литературы и который еще написалъ критику на Китайскую Грамматику Абель-Ремюзы и ужасно разругалъ его. Но какъ бы то ни было, это сочиненіе весьма близко къ нашему предмету. Нельзя ли будетъ сообщить какихъ-нибудь свѣдѣній, что это за чудовищный *Историческій архивъ*, печатаемый *Эттингеромъ*? Судя по числу источниковъ, которые приводятся въ немъ, этотъ сборникъ можетъ быть драгоценнымъ сокровищемъ и я, получивши о немъ подробное свѣдѣніе, постараюсь его достать какъ-нибудь чрезъ Азіатскій департаментъ.—Весьма любопытно знать, что значитъ это объявленіе объ отысканіи ключа къ Египетскимъ іероглифамъ, и какъ кончится это дѣло. Если это объявленіе не ученое шарлатанство, то исполненіе можетъ нѣсколько пролить свѣту и на нашъ Китай, иля по крайней мѣрѣ окончательнo рѣшить вопросъ: имѣеть ли Китай сродство съ Египтомъ? Вамъ, конечно, извѣстно, что членъ Королевскаго ученаго общества и изыскателей древности Недгамъ, въ музеѣ Сардинскаго короля 1761 года, досталъ списокъ надписи съ грудной статуи Изиды, который ему показался весьма схожимъ съ китайскими буквами. По его словамъ, какой-то китаецъ, тогда находившійся въ Римѣ, разсматривалъ эту надпись, но неизвѣстно, какое онъ произнесъ сужденіе объ этомъ. Это дѣло перенесено было на судъ Пекинскихъ іезуитовъ и Амдотъ доказывалъ, что знаки этой надписи не имѣють сродства съ китайскими. Но какъ бы то ни было, такой отвѣтъ, можетъ быть, и весьма основательный, не есть еще окончательное рѣшеніе такого вопроса. У китайцевъ въ глубокой древности были знаки, которые дѣйствительно должны назваться іероглифами: во времена первобытной своей необразованности, они писали

самые предметы для выражения понятія о нихъ; весьма многіе изъ нынѣшнихъ даже знаковъ не суть произвольныя черты, имѣющія смыслъ по взаимному условію, но глубокіе символы понятій. Если бы можно было въ цѣлости нарисовать картину образованія этихъ знаковъ, найти всѣ древніе іероглифы, то мы могли бы написать самую лучшую и вѣрную философію Китая, полную исторію его образованности, чего бы мы не отыскали ни въ исторіяхъ, ни въ ихъ Цзиняхъ, ни въ ученыхъ произведеніяхъ; и съ другой стороны, изученіе здѣшняго языка было бы не дѣло механическое, бесплодно похищающее труды и время, но дѣло глубокихъ изслѣдованій и размышленія; это была бы математика не чиселъ, но понятій и идей. Созданіе такого языка, который могъ сдѣлаться всеобщимъ, есть одно изъ самыхъ блестящихъ и гениальныхъ твореній человѣчества, которымъ бы Китай справедливо могъ гордиться предъ всѣми народами. Какъ жаль, что случайныя обстоятельства и невѣжество затмили, исказили этотъ языкъ, разорвали его цѣлость и наконецъ, превратили его въ какой-то хаосъ, который подавляетъ нынѣшнихъ китайцевъ и заграждаетъ путь къ знанію другимъ. Даже нѣтъ надежды возсоздать его въ первобытное состояніе. Но при всемъ томъ, вопросы о томъ, кому обязанъ Китай своимъ языкомъ? Есть ли это его собственное созданіе? Какъ объяснить тождество, если не самыхъ іероглифовъ, то по крайней мѣрѣ пути, по которому два средніе народа, живущіе на противоположныхъ концахъ, стремились къ созданію для себя языка? — Эти вопросы останутся важными въ образованіи человѣчества и рѣшеніе ихъ могло бы объяснить для насъ многое. — Въ послѣднія времена не вышло ли чего-нибудь замѣчательнаго по нашей части во Франціи, гдѣ, кажется, до сихъ поръ не перевелись синологи. — Къ несчастію, мы до сихъ поръ не получали изъ Петербурга ни одного журнала. Не знаю, Департаментъ не будетъ ли намъ высылать чего-нибудь Русскаго. Къ сожалѣнію только, у насъ ни одинъ журналъ не занимается не только самою литературою востока, но даже и обзорѣніями чужихъ трудовъ. Боже мой! когда перестанутъ насъ какъ ребятъ кормить однѣми повѣстями; стараются насъ выучить писать, а не заботятся о матеріа-

лахъ для письма... Еще вопросъ: издалъ ли Шмидъ Тибетскій лексиконъ?

Вамъ хочется знать о предметѣ, какой я избралъ для своихъ здѣшнихъ трудовъ. Въ удовлетвореніе вашему желанію я дѣлаю выписку изъ своего отзыва, который представилъ на утвержденіе Департамента:... „во время десятилѣтняго пребыванія своего въ Пекинѣ я намѣренъ заниматься изученіемъ и составленіемъ Исторіи Китая подъ владычествомъ пылѣвшей династїи. Покореніе Маньчжурами одного изъ самыхъ могущественныхъ и образованныхъ государствъ въ цѣлой Азїи; столѣтнее рабство Китая и его внутренняя жизнь во всѣхъ ея проявленїяхъ подъ игомъ иноземнаго владычества; необыкновенное распространеніе предѣловъ, до какого онъ никогда не достигалъ въ самыя счастливыя времена года; и наконецъ выступленіе въ связь съ Европою посредствомъ торговыхъ трактатовъ, которые со дня на день болѣе и болѣе вводятъ его въ систему Европейской политики,—вотъ факты, которые, съ одной стороны, одобряюгь мой выборъ, сообщая настоящему періоду занимательность высшей степени; а съ другой, сами уже начертываютъ планъ и кругъ моихъ занятїй, невольно обращая преимущественно на себя полное вниманіе. Отъ количества и достоинства источниковъ, которые будутъ подъ моими руками, зависитъ распространеніе объема предметовъ, долженствующихъ войти въ составъ моего труда, и слѣдов. болѣе или менѣе точное и удовлетворительное выполненіе той задачи, которую я предположилъ для себя“... Въ письмѣ, которое доставить вамъ лично NN, я кое что написалъ вамъ объ этомъ. Говоря откровенно, мнѣ бы хотѣлось начертать полную исторїю Маньчжуровъ съ самыхъ первыхъ временъ ихъ существованія до послѣдняго императора. Источниковъ для изученія первобытной Маньчжурїи весьма мало и здѣсь самое трудное поле; исторїя настоящей династїи богата матеріалами, но они не приведены въ систему, не разобраны и не всѣ приведены въ извѣстность. Не сдѣлано изъ нихъ ни какихъ извлеченїй: нужно будетъ самому пробираться чрезъ цѣлый лѣсъ фоліантовъ. Теперь, когда вамъ извѣстенъ главный предметъ моихъ занятїй,—вы сами легко можете себѣ опредѣлить, какого рода сочиненія могутъ имѣть для меня особенную важность. Всѣ но-

выя изслѣдоанія, если только будутъ, о самыхъ восточныхъ предѣлахъ нашей Сибирской лини, о племенахъ, тамъ обитающихъ, и о Даурин, въ особености объ исторіи, образѣ жизни, религій и правахъ *Тунгускиаг* поколѣній. будутъ имѣть для меня особенный интересъ.— Не выдегъ ли чего нибудь объ *Орочнахъ*, которые, по рассказамъ сибиряковъ, представляются какимъ-то нейтральнымъ племенемъ? Не будетъ ли чего-нибудь писано о шаманствѣ,—первоначальной, и, кажется, настоящей, религій Маньчжуровъ? Всѣ свѣдѣнія о Маньчжурин географическія, статистическія, историческія, религіозныя—дороги для меня. Такъ какъ во время настоящей династіи и Маньчжурами совершенно окончательное присоединеніе къ Китаю всей Монголіи, завоеваніе восточнаго Туркестана, Тибета: то само собою разумѣется, что эпизодами, болѣе или менѣе, должна входить въ кругъ моего труда и исторія этихъ странъ; потому всѣ сочиненія, вновь выходящія, болѣе или менѣе раскрывающія жизнь этихъ народовъ и объясняющія, или могущія объяснить, какимъ образомъ произошелъ такой переворотъ въ ихъ политическомъ существованіи, имѣютъ для меня большую важность.

Простите меня, что я такъ безжалостно закидалъ васъ тысячами вопросовъ и порученій. Что-же дѣлать, когда мы сидимъ въ тьмѣ и сѣни смертной? Ради Бога, если что-нибудь случайно попадетъ вамъ узнать объ этихъ предметахъ, то напишите ко мнѣ; извѣщайте меня объ Европейскихъ источникахъ, а я уже постараюсь какъ нибудь поладить съ китайскими.—Кстати объ источникахъ. Судя потому, что китайцы полными географическими свѣдѣніями о своей поднебесной имперіи обязаны трудамъ Іезуитовъ, и по тому, что нынѣшніе китайцы имѣютъ весьма ограниченныя свѣдѣнія о европейскихъ народахъ, съ которыми они такъ тѣсно и повольно болѣе и болѣе соединяются, я не слишкомъ вѣрю Абель-Ремюзѣ и Риттеру, которые думаютъ въ здѣшней исторіи найти удовлетворительныя данныя для исторіи народовъ, кочевавшихъ по различнымъ степямъ Азіи, бродившихъ взадъ и впередъ и производившихъ различныя набѣги на образованный міръ и своими обломками послужившихъ къ созданію новаго міра. Не выдаю вамъ этого за свое искреннее убѣжденіе, но за мысль, которая

еще требуетъ сильныхъ и неоспоримыхъ подтвержденій, чего я еще не сдѣлалъ и, можетъ быть, не въ состоянїи буду сдѣлать. Я хочу вамъ рассказать только одинъ забавный анекдотъ, который отчасти показываетъ степень знакомства нынѣшнихъ китайцевъ съ географією. Во время нынѣ бывшей войны между Китаемъ и Англією одинъ изъ Юй-ши (не знаю, какъ вамъ перевести это достоинство; какое-то жалкое подобіе Римскихъ цензоровъ) донесъ Императору, что изъ области *И-ли*, составляющей западную границу имперїи и прилегающей съ одной стороны къ стѣнамъ нашихъ Киргизъ-Кайсаковъ, а съ другой къ западному Туркеставу, есть прямая дорога въ Англію. Вѣроятно, онъ заключалъ это по словамъ же еврейцевъ, которые называютъ себя *западными* жителями. Какъ бы то ни было, только Богдыханъ велѣлъ на мѣстѣ изслѣдовать и провѣрить такое важное допесеніе: вслѣдствіе чего оказалось, что изъ *И-ли* прямой дороги въ Англію ни сухопутной, ни морской *не имется*. Но въ сторону этотъ вздоръ! При случаѣ извѣщайте меня о сочиненіяхъ, касающихся до этнографіи и средства языковъ.

Благодарю васъ за всѣ ученыя вѣсти, которыя, если меня не ознакомятъ съ самыми твореніями, то уже и тѣмъ принесли мнѣ великую пользу, что показали для меня предметы, возбуждающіе европейское любопытство. Именно жалко и досадно, что бѣднякъ Кигай нашъ остался заброшеннымъ. Не знаю, не промолвятъ ли чегонибудь о немъ ваши Русаки; во всякомъ случаѣ вы вѣрно скорѣе моего объ этомъ узнаете. Панишите, какъ будутъ праныты нашими ориенталистами труды нашихъ предшественниковъ. А пора, пора намъ самимъ вступиться за себя, а то Французы закидали насъ грязью.....

...Поблагодарите отъ меня всѣхъ добрыхъ людей, которые помнятъ меня, и на ихъ поклонны отвѣчаю своимъ искреннимъ уваженіемъ къ нимъ и земнымъ челобитьемъ...

Вотъ вамъ еще нѣсколько словъ обо мнѣ. Я живъ и здоровъ; начинаю присматриваться къ здѣшней пустотѣ. Два мѣсяца, какъ старые миссіонеры полетѣли на матушку Русь; мы теперь одни живемъ въ своемъ аббатствѣ. Тишина удивительная, приволье для всякаго раздумья! Къ нашему счастью, нынѣшнемъ лѣтомъ не было чиливыхъ жи-

ровъ,—кажется не восходило выше 28 по Реомюру: за то 24, 25 почти было постоянно. Сильные ливни, которые были весьма часто, нѣсколько умѣряли зной, но, съ другой стороны, въ воздухѣ распространилась необыкновенная сырость; въ продолженіе одного дня все кожаное вдругъ покрывается ужасною плѣсенью и въ это время развивается необыкновенная жизнь наѣдомыхъ: вдругъ являются тысячи различныхъ червей, моли, гусеницы, сверчковъ, кузнечиковъ, летающихъ—свѣтящихся червячковъ, улитокъ и прочей сволочи,—ползающей, летающей, кричащей и кусающей. Нельзя открывать оконъ, иначе—вдругъ въ вашей комнатѣ явятся тысячи незваныхъ гостей; и такъ у меня на постоѣ живетъ нѣсколько эцерицъ,—самыхъ безвинныхъ созданій, которыя по стѣпамъ гоняются за мошками. Здѣсь не мало и скорпіоновъ, которые иногда заползаютъ въ комнаты; впрочемъ, укушеніе здѣшнихъ скорпіоновъ не смертельно, хотя и производитъ сильную боль. Къ чести ихъ, нужно сказать, что они жалятъ только при защищеніи, или при какомъ нибудь неосторожномъ прикосновеніи къ нимъ. Шерохъ, который сопровождаетъ ихъ ползаніе, заранѣе извѣщаетъ о ихъ приближеніи, и тогда весьма легко убить этого страшнаго непріятеля... Жду отъ васъ вѣстей... Сдержите свое слово,—я его твердо помню; а доколѣ позволите мнѣ сказать вамъ: простите.
